

СОДЕРЖАНИЕ

Заложники времени (пролог)	6
«Лично дисциплинирован, летать любит»	30
«Васька хотел выдвинуться...»	46
От тюрьмы да от сумы...	88
Антисоветская настроенность В. Сталина	102
Капа и еще две невестки Сталина	124
Свекор Капитолины Васильевой	134
«Кем держалась наша любимая Россия»?	149
Русское направление	185
«Если плохо русским...»	197
Дело «Флигера» и других	208
«Поклонимся и мертвым и живым»	226
Зрелая карма	244
«Кроме тебя никто мне не нужен»	261
«Казнить нельзя миловать»...	296

ЗАЛОЖНИКИ ВРЕМЕНИ (ПРОЛОГ)

Моя первая книга о Василии Сталине готовилась к выходу в свет, когда советская власть доживала последние дни. Формально она еще владела, казалось бы, несокрушимой державой, еще работали все ее институты: партия — ведущая и направляющая сила, Лубянка — ее надежный оплот, армия, застрявшая в боях с афганскими моджахедами. Ни одна заметка, ни одна статья в газете не могла тогда появиться без разрешения цензора, так что увидеть книгу о сыне Сталина — то, что удалось собрать в документах и воспоминаниях его современников, — я никак не рассчитывал, писал, как говорится, в стол. Дело в том, что имя генералиссимуса Сталина в исторической и мемуарной литературе проходило лишь в черных тонах или с оговорками «кузькиной мамы» времен Хрущева. Эта установка автоматически переносилась и на его сына. А мое «сочинение на свободную тему, где главным героем был летчик Василий по фамилии Сталин», в прокрустово ложе исторических пленумов да съездов партии не укладывалось. Так что писал — отводил душу! — вдруг «красные» придут и напечатают. А может, «белые»...

О жизни Василия Сталина более подробный рассказ я услышал однажды во время дружеского застолья в военном городке штаба южного авиационного корпуса, который дислоцировался некогда в Виттенберге — это на территории, уже ушедшей в историю Германии, ее рабоче-крестьянской республики. В уютном домике по улице Рябиновой хозяин его, генерал Микоян — милейший

Алексей Анастасович, щедро угощал меня, Бог весть каким ветром занесенной в Европу, кавказской бастурмой, которая под немецкий «Weinbrand» (попросту «Ванькин брат») шла тоже неплохо.

Помню, выпили мы по одной — за встречу. Солдатская судьба сводила нас сначала в белорусских краях — на аэродроме Рось, потом уже у немцев, в городке Кётен и Цербсте, где генерал Микоян командовал истребительной авиадивизией, а я заканчивал свою боевую вахту с дневными и ночными бдениями в дежурном звене да перехватами рыскающих вдоль границы наглых американских пилотяг. Когда выпили по второй — за тех, кто не вернулся из полета, — Алексей Анастасович достал семейный альбом и принялся подробно представлять каждого из своих родных и близких. Возможно, случайно мое внимание остановилось на снимке одного из братьев Микоянов. «Это Володя, — ответил на вопрос Алексей Анастасович. — Ему было девятнадцать лет, когда он погиб под Сталинградом. Их полк собрал там Василий Сталин».

Упоминание имени сына Сталина, откровенно говоря, пролетело тогда мимо ушей. О нем по аэродромам ходили легенды, разобраться в которых, где там была правда, а где вранье — вряд ли кто смог бы. Круто поработала на эту тему и хрущевская пропаганда. Никита уже разоблачил культ личности Сталина. кремлевская камарилья до высот небожителей уже подняла его самого — Хрущев стал четырежды Героем! А на горизонте уже занималась заря очередной перестройки святой Руси. Это, когда вместо обещанного коммунизма начальники Кремля развернули оглоблю и повели законопослушные массы назад, к капитализму...

Помню, среди пилотской братвы поговаривали, что сын Сталина о делишках кремлевских царедворцев знал много такого, что населению — по-нынешнему электора-

ту — знать не полагалось. Вот за это его сначала упрятали на 8 лет в тюрьму, а потом сослали в Казань, где и убили...

В тридцатых-то годах, когда по всей стране гремели имена героев-летчиков, спасавших «челюскинцев», бесстрашных экипажей Чкалова и Громова, маханувших через Северный полюс в Америку, молодежь рвалась в небо! Естественно, что и дети Кремля не готовились в олигархи. Естественно ли? Но, прямо скажем, им-то было куда как проще, чем деревенскому парню, шагать по служебной лестнице — до тех же голубых лампас на форме военного летчика — или схлопотать орден с таким лакейским уточнением в представлении к награде: «...сын Никиты Сергеевича». Это о Леониде Хрущеве.

Словом, ни Василий Сталин, ни Степа Микоян (тоже генерал), ни его дружок Леня Хрущев, ни Щербаков, ни Булганин, ни Ярославский — золотая молодежь Кремля — меня совершенно не интересовали ни как летчика, ни как военного корреспондента. А вот судьба 19-летнего Володи Микояна, павшего в бою в небе Сталинграда, не могла не взволновать, и с воспоминаний на улице Рябиновой его брата Алексея до встреч в Кремле с их батюшкой, затем с бывшим в плену у немцев нашим солдатом — свидетелем последних минут жизни летчика — получился поистине захватывающий, не отпускающий тебя ни на один день журналистский поиск...

И вот тут деталь. Слушая рассказы о Володе его одноклассников, друзей по конноспортивному клубу, его однополчан, с кем, хоть и недолго, но довелось ему делить радость побед и горечь поражений, я невольно отмечал участие во всем — будь то школа, конный манеж или полевой аэродром — Василия Сталина. В памяти и сейчас живы встречи, лица, голоса людей — свидетелей событий давних лет. Великолепные конники — чемпионы страны Валентин Мишин, Сергей Маслов, Римма Леута,

Валерия Минина... Потом пилоты — дерзкие воздушные бойцы — Герои Советского Союза Александр Котов, Андрей Баклан, Сергей Долгушин, Федор Прокопенко, Василий Бабков, Владимир Луцкий. Это было скрещение судеб дивного, неповторимого поколения — тоже уходящего в историю...

В полетах, честной мужской работе, полной романтики, риска и преодоления себя в небе, в боях за свободу Родины — тот кусочек земли, где ты родился, в которую когда-то уйдешь, как твои деды, которую не продашь и не променяешь за сытость в каком-то ином, историковиртуальном пространстве — в этом поколение 30-х годов видело поистине Радость жизни! А радости-то жизни, известное дело, преходящи. Вот почему, мнится мне, в воспоминаниях да рассказах о 19-летнем летчике Володе Микояне все больше вырисовывался и другой портрет — Василия Сталина. Бескорыстный, беспредельно добрый, надежный в своей солдатской верности боевым друзьям — таким он остался в их памяти, несмотря на все наветы, несправедность учиненного над ним суда и, ставшую уже генетической, ненависть российских фарисеев к одному даже слову — Сталин!

В ту пору еще благоденствовала так называемая «райская группа» — этакое творческое собрание отставных маршалов и генералов армии. Впрочем, формально в отставку они не уходили. Многим из них было что вспомнить об огнях-пожарищах и друзьях-товарищах. А вот право на издание военных мемуаров высочайшим постановлением закреплялось только за одним — нашим Военным издательством. Так что, являясь редактором военно-мемуарной литературы, отвечая за ее историческую и научно-техническую точность, идеологическую выдержанность, а еще и за литературную красоту изложения воспоминаний, с авторами их — большими шишками в

военном-то кругу — приходилось быть тактичным, вежливым, но предельно откровенным. Замечу, и они, люди умудренные жизненным опытом, в солидном возрасте — некоторые-то еще в гражданскую войну своих «белых» братьев шашками рубили — вели себя достойно, выслушивали замечания редактора и выполняли все его требования. Проще говоря, работали творчески в проверенном армейском формате: ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак.

Но тешить свое самолюбие подобным «превосходством в высоте» занятие, прямо скажу, пустое. Работая над книгами авторов — героев войны, я, например, находил большее удовольствие слушать — о событиях и эпизодах, приключениях и просто интересных случаях из их жизни, о которых и сейчас еще подумаешь — да можно ли писать о том? А тогда, при военной-то цензуре и недремлющем оке политрабочих из ГлавПУРа, и говорить нечего было...

Да, собственно, авторы наши и сами понимали, что реально предлагать в книге для массового читателя, а что нельзя. Поэтому те, кто оказывался поосторожней, даже в задушевной беседе оговаривались: «Это не для печати». Ну, а более лихие из той «райской группы», такие, например, как прославленный летчик-истребитель Иван Кожедуб, без страха и сомнений, без оглядок: «Что скажет княгиня Марья Алексевна», несли правду-матку как о жизни былой, так и о настоящей. Я несколько раз уговаривал Ивана Никитовича поработать над новой книгой его воспоминаний, но выдающийся ас, трижды Герой Советского Союза только отмахивался от таких предложений: «Хватит, уже есть одна моя книжка». А вот маршал Савицкий, напротив, войдя во вкус писательства — когда вышли в свет его военные мемуары, книга для юношества в «Молодой гвардии» — понятно, с классовых позиций — вдруг напрягся и неожиданно заявил: «Ну, а теперь я расскажу всю правду!»

Рассказать ту правду Евгений Яковлевич не успел, и я не берусь догадываться, что он имел в виду. В стране тогда во всю уже раскручивалась горбачевская перестройка с гласностью и каким-то «ускорением». В моду входил поиск дворянских корней, благородного происхождения, так что волнительные страницы воспоминаний о судьбоносных хождениях на Красную площадь — за советом к Ильичу! — стали необязательными. Я не сомневаюсь, что Евгений Яковлевич Савицкий рассказал бы что-то новое из своей жизни. Но война, боевые действия армейских соединений, которыми некогда командовали авторы военных мемуаров, их личное участие, скажем, в тех же воздушных боях, — все это, по-прежнему, строго сверялось по архивным документам, энциклопедиям и справочникам.

Как-то, готовя к изданию рукопись одного летчика, до «перестройки» успевшего стать маршалом авиации, я обратил его внимание на заметное расхождение в количестве выполненных им боевых вылетов на штурмовку: в официальных источниках была одна цифра, а в рукописи — в два раза больше. Маршал отмахнулся от такого несоответствия: «А! Мы не все вылеты учитывали!» Сермяжная правда в том была. Скажем, в начале войны, как вспоминал мой однополчанин Герой Советского Союза генерал Б.Н. Еремин, самолеты противника, сбитые группой, никому не записывали. Вообще не до арифметики было. Или вот знаменитый воздушный боец Александр Иванович Покрышкин — он одерживал победы и щедро относил сбитые им самолеты на счет ведомых. То была своего рода моральная поддержка молодых, еще не обстрелянных как следует летчиков.

И вот тут момент истины! В одну из встреч с однополчанами Володи Микояна, все еще выпрашивая о нем, его боевой работе, я снова услышал не раз повторяемое ветеранами имя их командира Василия Сталина. В 32-м гвардейском истребительном авиаполку, когда он им командо-

вал, было уже десять Героев Советского Союза. Только за один год они сбили 184 самолета противника. Сыну Сталина запрещали совершать боевые вылеты. Позже по этому поводу мне говорил летчик чкаловского экипажа Герой Советского Союза генерал Г.Ф. Байдуков: «Одно время я командовал дивизией, работали с Васей на одном фронте и, признаюсь, нарушали приказ — умудрялись ходить на боевые задания»... Так вот, при том командир полка Сталин был абсолютно не тщеславен и тоже не следил за бухгалтерией войны, подсчетом да учетом сбитых в воздушных боях самолетов. Герой Советского Союза Федор Федорович Прокопенко доподлинно свидетельствует, что Василий Сталин в небе Сталинграда и на Калининском фронте одержал четыре победы. А в полковых документах сохранилась запись только одного сбитого самолета.

В мае 1944 года полковник Сталин вступил в командование 3-й гвардейской истребительной авиадивизией. Это генеральская должность, и в окружении-то подхалимов очередное звание сыну Сталина могли присвоить на следующий же день — с принятием командования дивизией. Но прошел год тяжелейшей войны — 1944-й. Сорок пятый — до Дня Победы, потом до конца его. Еще несколько послевоенных месяцев 1946 года. Василий Сталин командовал уже авиационным корпусом, а ходил все в звании командира полка. Нет, он не роптал, не жаловался по этому поводу батюшке. Потому что знал — именно отец первым воспротивится и, как уже было не раз, скажет: «Рано. Пусть в полковниках походит»...

И вот еще. Один знающий человек рассказал мне о представлении командира авиадивизии полковника В.И. Сталина к званию Героя Советского Союза. Узнав об этом, Василий решительно настоял об отмене того представления.

Дело было так. Только что закончилась война. У всех хорошее настроение. 24 июня в Москве на Красной площади состоялся Парад Победы. Именно тогда июньским

Указом многим было присвоено звание Героя Советского Союза. А 24 летчика стали дважды Героями. В том числе оказался и командир авиационного корпуса Е.Я. Савицкий, непосредственный начальник полковника В.И. Сталина.

Как-то к слову, верный друг и жена Василия Иосифовича Капиталина Георгиевна подтвердила представление его к высокой награде: «Вторая-то звезда Героя у Савицкого — Васина...» Какие на то были основания? Ну, вот, к примеру, приказ Верховного Главнокомандующего № 359 от 2 мая 1945 года — уже под занавес войны. В нем, в связи с завершением разгрома берлинской группировки и овладением войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов столицей Германии городом Берлином были отмечены летчики Главного маршала авиации А.А. Новикова, Главного маршала авиации А.Е. Голованова, генералов С.И. Руденко, С.А. Красовского, Е.Я. Савицкого, Е.М. Белецкого, Г.Н. Тупикова, Е.Ф. Логинова, Г.С. Счетчикова, В.Е. Нестерцева, В.Г. Рязанова, А.В. Утина, Б.К. Токарева, И.В. Крупского, А.З. Каравацкого, И.П. Скока, Б.А. Сиднева, И.М. Дзусова, С.В. Слюсарева, В.М. Забалуева, П.П. Архангельского, Г.И. Комарова и полковников В.И. Сталина, Д.Т. Никишина, А.И. Покрышкина и В.И. Александровича. К этому приказу приведу только один эпизод из боевых будней командира дивизии Сталина.

Дело было на многострадальной белорусской земле. Разворачивалась знаменитая стратегическая наступательная операция под кодовым названием «Багратион». Дивизии Сталина тогда предстояло действовать на Оршанском, Борисовском, а затем и Минском направлениях. Боевые задачи полкам были самые разнообразные — завоевание господства в воздухе, прикрытие наших наземных войск, разведка аэродромов и войск противника, штурмовка аэродромов, прикрытие боевых действий авиации.

В конце мая дивизия получила новые боевые машины Ла-5 с форсажным режимом, комдив распорядился получить полетные карты и приступить к изучению района предстоящих боевых действий. Вскоре полки дивизии Сталина перебазировались на аэродромы Изубри и Жваненки.

...23 июня 1944 года. В 9 часов утра после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки 3-го Белорусского фронта перешли в наступление. А вечером 24 июня Москва уже салютовала двадцатью артиллерийскими залпами войскам фронта, которые прорвали сильно укрепленную оборону противника, южнее Витебска продвинулись в глубину до 30 километров и расширили прорыв до 80 километров.

2 июля 1944 года Верховный Главнокомандующий отмечал в своем приказе успешные действия 3-го Белорусского фронта — войска его перерезали сообщения немцев из Москвы в Вильно и Лиду, 1-го Белорусского — в результате удара их конницы, танковых соединений и пехоты были отрезаны пути сообщения немцев из Минска на Брест и Лунинец. И вот тут поступила вводная комдиву Сталину. В 20–25 километрах восточнее Минска оказалась 4-я немецкая армия. Ликвидация ее означала бы катастрофу группировки противника на Минском направлении. Так что полки и управление 3-й истребительной авиадивизии не случайно получили приказ перелететь на аэродром Слепянка — это совсем рядом с Минском. Именно тут оставшаяся окруженной группировка немцев общей численностью до пяти дивизий пехоты с артиллерией и танками, стремясь прорваться на запад, к своим войскам, ринулась на Минск. Немцы полагали, что город еще в их руках и к исходу 5 июля, прорвав кольцо, подошли на восточные подступы к Минску. Создалась непосредственная угроза аэродрому Слепянка и частям дивизии полковника Сталина.

Сохранилось донесение комдива командиру корпуса об обстановке и действиях личного состава авиационных частей в бою, который академически именуется как ближний оборонительный. А проще — это, когда на тебя в упор направляют артиллерийские стволы, а ты сидишь в кабине боевой машины и ждешь залпа...

«Я принял решение спасти материальную часть, гвардейские знамена и секретные документы штаба дивизии и штабов частей, — позже напишет в боевом донесении полковник Сталин. — Для этого отдал приказ об эвакуации их на северо-восточную окраину Минска. Начальнику штаба дивизии подполковнику Черепову поручил организовать наземную оборону на подступах к аэродрому для охраны материальной части, так как с наступлением темноты без заранее организованного ночного старта поднять в воздух летный эшелон было невозможно.

Сам на У-2 убыл ночью на аэродром Докуково — для организации там ночного старта. Организовав старт, оставил для приема экипажей капитана Прокопенко и на Ли-2 вернулся в Слепянку. В случае крайней необходимости я уже был готов поднять самолеты в воздух.

К моему возвращению эвакуация штабов была закончена. Она прошла исключительно организованно и быстро. Под минометным обстрелом были спасены необходимое имущество, знамена, документация штабов. Начальником штаба нашей дивизии, командирами 43-й истребительной артиллерийской бригады и 1-й гвардейской Смоленской артбригады была организована надежная оборона на подступах к аэродрому.

Утром на штурмовку противника мы произвели 134 боевых вылета, израсходовали 13115 снарядов. Штурмовка парализовала группировку противника и раздробила его на мелкие группы.

После штурмовки летный эшелон был выведен из-под удара и перебазирован на аэродром Докуково. Личный со-

став управления дивизии вместе с техническим составом частей, взаимодействуя с артбригадами, уничтожили в наземном оборонительном бою 200 солдат и офицеров и захватили в плен 222 человека.

В борьбе с немецкими захватчиками стойкость и мужество проявили офицеры, сержанты и рядовые управления и частей дивизии, из числа которых отмечаю... (здесь большой список гвардейцев дивизии).

3-я гвардейская истребительная авиационная Брянская дивизия вверенного вам корпуса готова к выполнению любых боевых задач.

Командир 3 гв. истребительной авиадивизии В. Сталин».

Много это или мало для 23-летнего парня на одну ночь — судите сами. А чтобы еще ясней представить обстановку в полосе наступления наших войск, расскажу о случае, который произошел уже в середине августа на аэродроме Шауляй.

Выход в тот район угрожал вражеским коммуникациям, связывающим Восточную Пруссию с Прибалтикой. Немцы понимали это и делали отчаянные попытки остановить наступление Красной Армии. В полосу наступления 1-го Прибалтийского фронта немецкое командование перебросило крупные резервы и вот силами семи танковых и моторизованной дивизий противник наносил по нашим войскам сильные контрудары.

Вместе с дивизией Сталина на шауляйском аэродроме стоял полк торпедоносцев. Высокие темпы наступления вызвали в те дни ряд трудностей со снабжением частей боеприпасами, горючим, продовольствием. База морской авиации находилась вообще далеко — в Ленинграде, так что комдив Сталин, чем мог, помогал товарищам по оружию.

Но вот 16 августа два полка пехоты и около 80 танков противника из района Кельмы, два полка и до 200 танков

из района Куршенай перешли в наступление на Шауляй. К исходу 17 августа они уже начали обстрел аэродрома. Торпедоносцы и истребители вынужденно взлетали: танки, казалось, вот-вот разворотят всю боевую технику. До конца на аэродроме оставались только два командира — 1-го гвардейского минно-торпедного авиаполка КБФ подполковник И. Борзов и комдив В. Сталин.

«Когда танки гитлеровцев вышли уже на окраину летного поля и открыли по нам огонь, на «Бостоне» младшего лейтенанта Муравьева лопнуло колесо и самолет замер на взлете, — вспоминал тот случай пилот торпедоносца Алексей Скрыбин. — Я тогда предложил Муравьеву пробить из пистолета другое колесо и взлетать на ободах. Все лучше, чем оказаться под гусеницами немецких танков. Пилот согласился, сбросил на землю торпеду, и тут, глядим, бежит комдив истребителей. На ходу спрашивает, в чем дело? А сам уже все понял, прикинул ситуацию и командует: «Скорей к Борзову!» Иван Иванович взял экипаж на борт — мы взлетели. А последним аэродром оставил Василий Иосифович. Он взлетел за нами на своем истребителе. Ох, и бесстрашный был!..»

Высокую оценку тогда за помощь в ликвидации прибалтийской группировки противника истребители 3-й гвардейской авиадивизии получили от командования механизированного корпуса, с которым они взаимодействовали. «Нужно особо отметить, — докладывал командир мехкорпуса генерал-лейтенант Обухов, — бомбардировку переправ на реке Западная Двина истребителями дивизии полковника Сталина».

Благодарность летчикам 3-й гвардейской за боевые действия в районе окруженной немецкой группировки восточнее Минска выразил и командир 1-й Смоленской истребительной противотанковой артиллерийской бригады РКК полковник Пилипенко. «Командир 3-й ИАД пол-

ковник Сталин, — отмечал он, — находясь на наблюдательном пункте, добился прекрасных результатов взаимодействия с артиллерией по уничтожению немецких войск... Благодарность ему от личного состава бригады за хорошую слаженность и смелость летчиков-гвардейцев и умелое руководство ими в бою!»

1944-й уходил в историю. За год дивизия полковника Сталина провела 19 перебазирований, оставив за собой свыше 2000 километров освобожденной от захватчиков нашей земли. Летчики-истребители 3-й гвардейской совершили за этот период 7536 боевых вылетов, 263 воздушных боя, в которых сбили 364 самолета противника.

Обо всем этом я узнал значительно позже — когда перевернул тонну архивных бумаг. А в начале пути все еще стоял 19-летний летчик Володя, о котором я все-таки написал повесть. Однополчане его помогали мне, как могли, и в тех встречах, разговорах о былом никто даже слова плохого не сказал о Василии Сталине, их командире, осужденным несправедливым судом и оклеветанным лживой хрущевской пропагандой. На аэродромах все хорошо знали сына Сталина, он был равнодушен к чиновничеству и доступен любому. Не случайно пилоты между собой называли его просто Вася. И то сказать, ни генеральские лампасы, ни ордена, ни высокие должности не меняли строя его души — Василий Сталин, прежде всего, оставался летчиком. За это его и любили.

Помните, Александр Иванович Куприн писал о первых русских летунах: «Постоянный риск, ежедневная возможность разбиться, искалечиться, умереть, любимый и опасный труд на свежем воздухе, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота — все это как бы выжигает, вытравливает из души настоящего летчика обычные низменные чувства — зависть,

скудость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь — и в ней остается чистое золото»...

Чуточку бесшабашный в обычных полетах, дерзкий, отчаянный в воздушных боях, Василий Сталин жил без страха за будущее, без спасительного благоразумия и, когда мастера Лубянки, сияясь обвинить его во всех смертных грехах, тянули на расстрельную статью, он соглашался с ними и подписывал всякую чертовщину! Но однажды восстал.

Чекисты хотели, было, обвинить генерала Сталина в измене Родине. И, готовый ко всему, Василий бросил тогда своим палачам вызов: «В отношении чести и Родины я чист! Родина для меня это отец, это мать!..» Слова того допроса сохранились в протоколах. Но тему эту на Лубянке закрыли. Похоже, поняли — тут сына Сталина им не сломить...

Все, о чем я здесь пишу, не сразу, а как-то подспудно, порой, одной запомнившейся фразой входило в душу, понемногу заполняло ее, и в какой-то момент я понял то, о чем боевые друзья Василия Сталина давно знали, во что твердо верили и ждали — имя их командира рано или поздно вернется народу чистым.

Ни «красные», ни «белые» володеть Россией почему-то не шли. И вот, как газ нервно-паралитического действия, под заклинания последнего генсека бескрайние просторы великой державы окутал ядовитый туман «общечеловеческих ценностей». Мы получили разухабистую горбачевскую гласность. Были сняты все запреты при издании книг, не стало военной цензуры. И если раньше историки и специалисты по тем же мировым войнам колебались... вместе с линией партии, то с «перестройкой», по установкам ее главного идеолога А.Н. Яковлева, уже вся русская история безбожно перекраивалась — словно никогда и не было великой Российской империи. Коммунист-перевертыш Яковлев обвинял русский народ в не-